

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

М.А.Клунт

*Данный текст с некоторыми сокращениями опубликован в:
Сравнительная социология: учебник / Под ред. А.В.Резаева. – Спб.:Изд-во С.-
Петербургского гос. ун-та, 2015, с.85 – 102.*

Эмпирический фундамент сравнений: базы данных и основные показатели.

Сравнения демографической ситуации в различных странах и регионах широко используются при разработке внутренней и внешней политики государства. Чтобы правильно осуществлять их, необходимо знать, где найти необходимую информацию, какие показатели следует использовать для сравнений и как правильно интерпретировать значения таких показателей.

Базы данных демографической информации. Электронные базы данных (БД), содержащие демографическую информацию, делятся на две группы:

1. БД официальной статистической информации. Такие БД поддерживаются статистическими службами международных организаций и национальными статистическими службами. Содержащаяся в них информация имеет официальный статус и подкреплена авторитетом государств и международных организаций.

2. БД исследовательских центров и неправительственных организаций.

Официальная статистическая информация рассматривается в современном мире как общественное благо, созданное на средства налогоплательщиков, поэтому доступ к ней в подавляющем большинстве случаев является свободным. Ссылки на статистические порталы и БД международных организаций находятся на главных страницах их официальных сайтов, поэтому их легко найти, набирая название соответствующей организации в поисковой системе. Ссылки на веб-сайты национальных статистических служб и международных организаций можно найти и на главной странице официального веб-сайта Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru>. Электронные адреса некоторых баз демографических данных приведены в списке рекомендуемой литературы данного учебника.

Показатели. Демографические сравнения нельзя проводить механически. При их проведении необходимо понимать, о чем, в силу методики построения и степени достоверности исходных данных, способны рассказать используемые показатели. В данном разделе учебника характеризуются некоторые особенности демографических показателей, которые следует учитывать при международных и межрегиональных сравнениях.

Общий коэффициент рождаемости (ОКР), общий коэффициент смертности (ОКС) и общий коэффициент естественного прироста (ОКЕП) представляют собой, соответственно, численность родившихся, умерших и естественный прирост в расчете на 1000 жителей. ОКЕП представляет собой разность ОКР и ОКС. С помощью названных показателей сравнивают темпы естественного прироста или убыли в различных странах или регионах, а также влияние рождаемости и смертности на прирост или убыль населения.

При сравнениях на основе названных показателей следует учитывать, что их величина зависит не только от уровней рождаемости и смертности, но также и от возрастной структуры населения. При прочих равных условиях ОКР всегда будет выше в тех в странах и регионах, где выше доля молодежи, а ОКС - там, где выше доля пожилых людей.

Чтобы устранить влияние возрастной структуры, рассчитывают **суммарный коэффициент рождаемости (СКР)**. Величина СКР для данного календарного года характеризует среднее число детей, которое родится у женщины за всю ее жизнь при условии, что повозрастные уровни рождаемости на протяжении ее жизни будут такими же, как в году, для которого рассчитывается этот показатель. Например, во Франции значение СКР в настоящее время составляет 2,0. Это означает, что при сохранении существующих возрастных уровней рождаемости, во Франции женщина родит за всю ее жизнь в среднем двоих детей. Во Вьетнаме СКР также составляет 2,0. Однако, ОКР во Вьетнаме (17‰) в настоящее время выше, чем во Франции (13‰), поскольку население Вьетнама моложе.

При уровне смертности, характерном для развитых стран, уровень просто замещения родительского поколения поколением детей обеспечивается при величине СКР, равной примерно 2,1. В странах, где рождаемость долгое время была высокой, численность населения в силу «молодости» его возрастной структуры может расти в силу **демографической инерции** даже при значениях СКР, меньших данной величины. Например, СКР в Китае составляет в настоящее время 1,5, однако численность его населения по прогнозу ООН (средний вариант рождаемости) будет в силу демографической инерции увеличиваться до 2026г. и только потом начнет снижаться.

При международных сравнениях смертности широко используют показатель **ожидаемой продолжительности жизни при рождении**, иногда называемый также «средней продолжительностью жизни». Данный показатель характеризует число лет, которое в среднем предстоит прожить ребенку, рожденному в данном календарном году, если на протяжении всей его жизни возрастные уровни смертности будут такими

же, как в году, для которого рассчитан данный показатель. В отличие от ОКС, ожидаемая продолжительность жизни при рождении не зависит от возрастной структуры населения, в силу чего международные сравнения смертности на основе ожидаемой продолжительности жизни являются более точными, чем на основе ОКС. Например, в Алжире, в силу относительно молодой возрастной структуры его населения, ОКС (4‰) ниже, чем в Германии (10‰), однако продолжительность жизни в Германии (80 лет) на 7 лет больше, чем в Алжире (73 года).

При международных сравнениях миграционной ситуации используют два существенно отличающихся по своему смыслу показателя – *сальдо международной миграции в расчете на 1000 жителей (СММ)* и *показатель численности международных мигрантов, проживающих в стране (international migration stock)*.

СММ рассчитывается для определенного периода (например, года) и представляет собой разность между прибывшими и убывшими в страну в расчете на 1000 жителей. Показатель численности международных мигрантов, проживающих в стране, характеризует численность жителей страны, родившихся за ее пределами. В случае, если такие данные отсутствуют, вместо них используют данные о численности иностранных граждан, проживающих в стране. СММ характеризует текущую миграционную ситуацию в стране, тогда как численность международных мигрантов, проживающих в стране, итог ее миграционной истории за несколько предшествующих десятилетий.

В силу значительных объемов нелегальной миграции, а также трудностей статистического учета выездов из страны, статистика миграции менее достоверна, чем данные о естественном приросте населения. Кроме того, методология подсчета числа мигрантов в различных странах мира имеет свои особенности, что снижает международную сопоставимость данных. Поэтому данные о миграции в различных странах нельзя сравнивать механически, не вникая в суть вопроса. Например, судя по данным Всемирного банка, в России в 2008-2012 гг. проживало 12,3 млн. международных мигрантов. Однако, в силу применяемой методики, эта цифра включает значительное число лиц, родившихся в союзных республиках СССР – ныне самостоятельных государствах - и переехавших в Россию еще до его распада. В то же время, данный показатель не включает несколько миллионов трудовых мигрантов, не зарегистрированных российской статистикой в ходе переписей населения и текущего учета миграции.

Сравнительный метод в судьбе теории демографического перехода. Сравнения хода демографических процессов в различных странах, регионах, этнических и социальных группах играют важную роль в развитии демографической теории. Вначале такие сравнения позволяют обнаружить новые демографические феномены, требующие теоретического осмыс-

ления, и стимулируют появление новых теоретических гипотез. Далее наступает этап проверки таких гипотез на эмпирическом материале, в качестве которого выступают данные о демографическом поведении населения различных стран или различных групп населения. Результаты такой проверки редко оказываются однозначными, в силу чего межстрановые и межгрупповые сравнения становятся не только средством подтверждения теории, но и методологическим оружием ее оппонентов. Итогом возникающей полемики обычно оказывается уточнение временных и пространственных рамок, в пределах которых теория остается эффективным инструментом научного познания и руководством к практическим действиям. Иными словами, происходит отграничение того временного периода, географической и социальной территории, на которой теория успешно «работает», от той, где она уже или еще неэффективна, а может быть и в принципе негодна. Это, в свою очередь стимулирует появление на свет новых теорий. Одной из ярких иллюстраций этого процесса является «жизненный цикл» теории демографического перехода.

Роль сравнительного метода в рождении теории демографического перехода. Глобальный процесс перехода от высокой к низкой рождаемости и смертности называют *демографическим переходом*. Иногда об этом процессе говорят как о первом демографическом переходе, поскольку в ходе последующего развития демографической теории появились понятия второго демографического перехода и третьего демографического перехода, рассматриваемые в последующих разделах данной главы. Теория демографического перехода (далее – ТДП) описывает первый демографический переход, предлагает объяснение его причин и используется при демографическом прогнозировании.

Подобно любой теории, ТДП не является простым обобщением эмпирических данных, она опирается на целый ряд социологических идей и концепций. К их числу относятся: противопоставление М.Вебером (1864-1920) традиционного и современного обществ; структурный функционализм Т.Парсонса (1902-1979), акцентировавший внимание на способности социальных систем к поддержанию равновесия; теории модернизации и вестернизации. Начало ТДП положили работы французского демографа А.Ландри (1874-1956) [Landri, 1934] и американских демографов У.Томпсона (1887-1973) [Thompson, 1929] и Ф.Ноутстейна (1902-1983) [Notestain, 1945], а также социолога и демографа К.Дэвиса (1908-1997) [Davis, 1945], одного из наиболее видных представителей функционализма.

Своим рождением ТДП во многом обязана сравнительному методу. У.Томпсон [Thompson, 1929] разделил все страны на три группы: с высокой рождаемостью и смертностью; высокой рождаемостью и снижающейся смертностью; низкой рождаемостью и смертностью. В дальнейшем эта классификация была преобразована в схему, в соответствии с которой демографический перехода он включает четыре фазы: 1) высокая рождаемость и смертность; 2) смертность снижается, рождаемость остается высокой, происходит быстрый рост численности населения; 3) рождаемость и темпы роста населения также начинают снижаться; 4) низкие уровни рождаемости и смертности.

ТДП предлагает пучок взаимосвязанных объяснений перехода от высокой к низкой рождаемости: усиление автономии личности и ее освобождение от норм, диктуемых традиционной общиной; способствующая этому урбанизация; ослабление роли церкви в регулировании вопросов брака и семьи; эмансипация женщин. Австралийский демограф Дж. Колдуэлл [Caldwell, 1976] обратил также внимание на то, что с переходом от традиционного производства к современному изменяется направление межпоколенного потока благ – теперь они движутся не от детей, работающих на полях, к родителям, а от родителей к детям. Заметное место в ТДП занимает гомеостатическое объяснение снижения рождаемости [Вишнеvский, 1982]. В соответствии с ним, снижение смертности «включает» *демографический гомеостаз* - механизм восстановления равновесия, в результате действия которого рождаемость также начинает снижаться, темпы роста населения падают и нарушенное равновесие восстанавливается. ТДП утверждает, что демографический переход универсален, рано или поздно он произойдет во всех странах мира. Одним из ее постулатов, не всегда, впрочем, явно формулируемым, является приоритет глобального по отношению к региональному. С точки зрения ТДП, демографическое развитие отдельного региона определяется, прежде всего, глобальными демографическими закономерностями. Особенности демографического развития в той или иной стране или регионе Земли остаются вне «сферы ведения» ТДП. История и география сливаются в ТДП в единую пространственно-временную линию: «сегодня» развитого мира это «завтра» развивающихся стран, полагают ее сторонники. Взгляд на демографическую историю России XX столетия с позиций ТДП представлен в [Демографическая...2006].

Сравнительный метод как орудие критики: полемика вокруг теории демографического перехода. На протяжении своей научной истории ТДП неоднократно подвергалась критике, в качестве одного из основных инструментов которой использовался сравнительный анализ. Привлекая все новый эмпирический материал, характеризующий динамику рождаемости и смертности в различных странах и регионах, критики ТДП уточняли границы области ее «полезного действия».

В ходе масштабного проекта «Европейская рождаемость», осуществленного Принстонским университетом (США), была детально исследована история снижения рождаемости в 700 европейских микрорегионах. Результаты проекта [Coale, Watkins (eds.), 1986] показали, что во многих из них снижение рождаемости началось еще до снижения смертности. Это поставило под сомнение одно из ключевых положений теории демографического перехода – снижение рождаемости является реакцией на снижение смертности, вследствие которого высокая рождаемость перестает быть необходимой. Данные принстонского проекта показали также, что демографический переход в Европе одновременно происходил в странах с весьма различным уровнем экономического развития [Knodel, Wan de Walle, 1979]. Отсюда следовало, что связь между социально-экономической модернизацией и снижением рождаемости является далеко не столь жесткой, как это вытекало из ТДП.

Анализ результатов другого крупномасштабного сравнительного проекта – «Всемирного исследования рождаемости» (*World Fertility Survey*) [Cleland, 1985] поставил под сомнение универсальность еще одного положения теории демографического перехода, в соответствии с которым снижение рождаемости в развивающихся странах связано с изменением экономической роли детей в семье. Столь серьезные расхождения между теорией и результатами ее эмпирической проверки привели многих исследователей к выводу, что теория демографического перехода находится «при смерти» [Hirshman, 1994].

Чувствительный удар по ТДП нанесли и успехи «политики одного ребенка» в Китае. ТДП близка к социологическим теориям, жестко связывающим модернизацию (в том числе, демографическую) с освобождением индивида от контроля государства и/или местной общины над его семейной жизнью. Китайская «политика одного ребенка», осуществляемая под жестким контролем государства и местных общин продемонстрировала, что постулируемая ТДП связка «рост автономии личности – снижение рождаемости» действует далеко не во всех типах обществ и снижение рождаемости может быть результатом не только снижения, но и усиления «государственного контроля» над личной жизнью.

Выяснилось также, что ТДП мало чем может помочь в объяснении демографических бед во многих регионах Земли. Критика ТДП в этом случае опять-таки опирается на сравнительный анализ, позволяющий сформулировать ряд вопросов. Почему эпидемия СПИД нанесла страшный удар по странам тропической Африки, сократив продолжительность жизни в некоторых из них на 10-15 лет, но практически не затронула арабские страны Северной Африки? Почему в СССР и европейских странах советского блока продолжительность жизни в последние десятилетия его существования не росла или снижалась, тогда как в КНР, Вьетнаме и на Кубе, где у власти также находились коммунистические партии, этого феномена не наблюдалось? Почему в странах «запаздывающей модернизации» - Италии, Испании, Греции, Южной Корее, Японии снижение рождаемости оказалось более сильным, чем в наиболее развитых странах мира? На все эти вопросы [Клупт, 2005] сторонники ТДП отвечали: данная теория не предназначена для ответа на них, ибо эта теория – ключ от другого замка [Вишневский, 2005].

Предварительные итоги. На первый взгляд, эти итоги неутешительны не только для ТДП, но и для обществоведческих теорий вообще. Многообещающая теоретическая конструкция вызвала повсеместное разочарование, не выдержав проверки методами сравнительного анализа. Правда, четырехфазная схема демографического перехода, о которой говорилось выше в этом параграфе, вошла в энциклопедии и учебники, однако, по общему признанию, это лишь описательная модель, но не теория, способная объяснять и предсказывать.

Представляется, однако, что из истории ТДП можно сделать более оптимистичные для развития теоретического знания выводы. Несостоятельной оказалась не теория вообще, а определенный ее тип – однолинейный и «западоцентристский», настаивающий на том, что демографическое настоящее сегодняшнего Запада непременно станет демографическим будущим незападных стран. Выяснилось, что демографическая политика в конкретной стране не может

быть выведена дедуктивным путем из некоей общей теории, описывающей глобальные закономерности

«Сравнительные жизнеописания» плодотворны не только, как у Плутарха (ок.45 – ок.127), в истории людей, но и в истории теорий. В судьбе ТДП прослеживается немало параллелей со структурным функционализмом Т.Парсонса. И в том, и в другом случае идея целенаправленного движения системы к некоторой цели оказалась эмпирически недоказуемой. ТДП, как и структурный функционализм, подвергалась критике за излишнее спокойствие перед лицом грозящих опасностей, переоценку способности социальной системы к саморегулированию. В обоих случаях непосредственное использование всеобъемлющих теоретических схем для объяснения процессов, происходящих в конкретных условиях места и времени, оказалось невозможным.

В то же время, полемика вокруг ТДП, как и критика структурного функционализма оказалась теоретически плодотворной. С одной стороны, эта полемика постепенно превратила ТДП из однолинейной схемы, в пучок нарративов [Van de Каа, 1996], а по существу - «теорий среднего уровня», описывающих и объясняющих разные аспекты всемирного снижения рождаемости – культурный, экономический, институциональный и т.д. С другой, споры о ТДП породили ряд новых теоретических подходов, некоторые из которых будут рассмотрены в следующем параграфе.

Институты, демографическая политика и рождаемость Институциональный подход к исследованию рождаемости, как и теория демографического перехода, вырос из межстрановых сравнений и, во многом, был инициирован двумя однотипными вопросами. Во-первых, о том, почему столь заметно различается уровень рождаемости в развитых странах - например, во Франции и США СКР колеблется вокруг величины 2,0, тогда как в Японии, Италии, Южной Корее лежит в диапазоне 1,3-1,4? Во-вторых, о том, почему в одних развивающихся странах рождаемость снизилась очень быстро, в других снижается медленно, в третьих же, не снижается вообще?

Институциональный подход уделяет первостепенное внимание специфике институтов, сложившихся в той или иной стране в результате особенностей ее географического положения и исторического развития. В этом отношении он существенно отличается от ТДП и других теорий, уделяющих мало внимания культурной, политической и экономической специфике отдельных стран и регионов. Институциональный подход используется для анализа демографических процессов и демографической политики как в развивающихся, так и в развитых странах.

Развивающиеся страны. Триумфы и падения демографической политики развивающихся стран могут, на первый взгляд, показаться темой, далекой от проблем современной России. Это, однако, не так, ибо именно опыт решения демографических про-

блем в развивающихся странах, наиболее ярко показывает, что эффективная *демографическая политика* не может быть выведена из некоей универсальной и «единственно верной» теории или механически скопирована с других стран.

Развитию институционального подхода к проблемам рождаемости во многом способствовал сравнительный анализ четырех стран, на которые сегодня приходится 43% численности жителей Земли – Китая (1350 млн. человек по оценке на середину 2012г.), Индии (соответственно 1260 млн. человек), Индонезии (241 млн. человек) и Нигерии, (170 млн. человек).

Демографическая политику КНР часто называют политикой одного ребенка, поскольку право на рождение второго ребенка в этой стране законодательно регламентировано и предоставляется только определенным категориям населения. Эта политика, наряду с рыночными реформами, привела к быстрому снижению рождаемости – уменьшению СКР с 3,0 в 1976-1980гг. до 1,5 в 2012г. В то же время, демографическая политика КНР привела и к ряду негативных последствий. В Китае опорой родителей в старости всегда были сыновья, поэтому политика одного ребенка привела к выборочным абортam по полу ребенка. По сообщению агентства «Синьхуа» на 100 родившихся девочек в 2010г. приходилось в среднем 118,6 рожденных мальчиков¹, тогда как биологически нормальным является нахождение этого показателя в интервале 102-107. Это, в свою очередь, порождает «дефицит невест» в современном Китае.

История индийской демографической политики разительно отличается от китайской. В Индии, в 1975-1976 гг. годов была сделана попытка «прямого наступления на рождаемость», основным методом которого стала массовая стерилизация мужчин. Эта политика вызвала протесты влиятельных политических и религиозных сил, считавших, что действия правительства идут в разрез с религиозными и культурными основами жизни страны. В 1977г. партия Индийский национальный конгресс, до этого бессменно находившаяся у власти, потерпела поражение на парламентских выборах, во многом вследствие недовольства населения ее политикой контроля над рождаемостью. После этого демографическая политика Индии была преобразована в программу повышения благосостояния семьи. Эта программа включает 10 целей, большинство из которых носят медико-социальный характер. Достижение некоторых целей, таких как обеспечение доступности контрацептивов и предотвращение браков девушек, не достигших 18 лет,

¹ Chinese mainland gender ratios most balanced since 1950s: census data. Xinhua News Agency, April 28, 2011 (дата обращения 20.07.2013)

должно способствовать также снижению рождаемости. Рождаемость в Индии также снижается, но гораздо медленнее, чем в Китае и неравномерно: на юге страны, где женщины традиционно пользовались большими правами, чем на севере, СКР снизился до уровня 1,8-2,0; в наиболее многонаселенных и бедных штатах значения этого показателя составляют около 4, а в среднем по стране около 2,5.

Сравнительный анализ результатов демографической политики Китая и Индии свидетельствует о том, что методы, оказывающиеся эффективными в одной стране, могут привести к провалу в другой. В Китае, где государство опиралось на партийную «вертикаль власти», а решение социально-экономических проблем с помощью мобилизационных кампаний воспринималось населением как обычная практика, «политика одного ребенка» оказалась эффективной. В Индии, стране с совершенно иной политической культурой, мобилизационная кампания по снижению рождаемости провалилась.

Сравнение Индонезии и Нигерии свидетельствует о том, что демографическое развитие страны тесно вписано в ее общеполитический контекст. В Индонезии демографическая политика стала важным составным элементом нового курса, который проводил президент Сухарто, пришедший к власти после трагических событий 1965-1966 гг. – попытки государственного переворота, его подавления и последовавших за этим массовых репрессий, в результате которых были убиты сотни тысяч людей. Сухарто (1921-1998) противопоставлял свой курс «старому порядку» отстраненного им от власти президента Сукарно (1901-1970), считавшего демографическую политику ненужной. Новая власть сумела подключить к программе снижения рождаемости региональную бюрократию, найти стимулы для активного участия ней деревенских общин и убедить мусульманское духовенство не противодействовать действиям правительства [Barnwall, 2004]. В Нигерии череда военных переворотов, постоянные конфликты на религиозной и этнической почве не позволяют проводить демографическую политику. Если демографическая политика Индонезии, наряду с ее быстрым экономическим развитием, привела к снижению СКР до 2,3, то в Нигерии рождаемость снижается крайне медленно и СКР составляет 5,6.

Сравнительный анализ различий в демографическом развитии крупнейших развивающихся стран мира позволил выявить ряд ключевых факторов, определяющих успехи и неудачи демографической политики. Во-первых, к ним относятся особенности сложившихся в стране институтов и, прежде всего, тех из них, что определяют отношения между обществом и властью. Во-вторых, важную роль играет умение властей найти тот вариант действий, который способствует социально-экономическому развитию страны и, в то же время, не вступает в непримиримый конфликт со сложившейся в

ней системой институтов. При этом многое зависит от наличия или отсутствия у центрального правительства возможности выстроить «вертикаль» демографической политики и задействовать в ней региональные власти и местные общины. В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов непредвиденные «зигзаги» политической и экономической жизни. Дж.Макниколл предложил для обобщения всех этих факторов лаконичную формулу «историческое наследие, политика, обстоятельства» (*legacy, policy, circumstances*) [McNikloll, 2009].

Развитые страны. Сравнительный анализ институтов оказался весьма плодотворным и при исследовании причин, по которым уровни рождаемости в развитых странах заметно отличаются друг от друга. Долгое время считалось, что модернизация неизбежно влечет за собой снижение рождаемости. Однако сейчас это утверждение верно лишь для развивающихся стран. В развитых государствах зависимость между уровнем развития и рождаемостью носит в настоящее время более сложный характер.

Для стран, индекс развития человеческого потенциала (далее ИРЧП) которых превышает величину 0,9, имеет место прямая корреляционная зависимость между ИРЧП и уровнем рождаемости [Myrskylä et al., 2009]. При этом высокая величина среднедушевого дохода является необходимым, но не достаточным условием относительно высокой рождаемости. В развитых странах величина СКР, большая 1,85 наблюдается только в государствах с очень высоким (более 23 тыс. долл.) уровнем среднедушевого дохода; ни одной из европейских стран с более низкими уровнями дохода не удалось приблизиться к этому уровню (рис.1). Однако высокий среднедушевой доход сам по себе не является гарантией более высокой рождаемости. В государствах Южной Европы, немецкоязычных странах, а также Японии, Южной Корее, Гонконге и Сингапуре рождаемость, несмотря на очень высокие уровни среднедушевого дохода, рождаемость очень низка.

Рис.1 Полюса рождаемости в развитом мире (страны с СКР менее 1,45 и более 1,85) и Россия.

Сравнительный анализ причин, обуславливающих данный феномен, осуществлялся демографами развитых стран в нескольких направлениях. Во-первых, изучались возможности совмещения материнской и профессиональной ролей женщин в разных странах. Во-вторых, анализировались межстрановые различия в отношении общества к внебрачным союзам и рождению детей вне брака. В третьих, исследовался вопрос о том, в какой мере внебрачная рождаемость связана с новой «постматериалистической» системой ценностей, а в какой вызвана тем, что женщинам из социально неблагополучных групп населения труднее найти надежных мужей и отцов для своих детей.

Анализ первого из названных вопросов обнаружил некоторые общие черты между странами, рождаемость в которых является очень низкой – Испанией, Италией, Южной Кореей и Японией. Выяснилось, что во всех названных странах замужние женщины испытывают существенные трудности на рынке труда, а государственная семейная политика, содействующая сочетанию профессиональной и родительской ролей, выражена слабее, чем во Франции и странах Северной Европы. Ряд исследователей полагает также, что низкая рождаемость в ФРГ связана с тем обстоятельством, что социальная политика в этой стране долгое время была ориентирована на модель семьи, в которой муж является «добытчиком», а жена – неработающей домохозяйкой и воспитательницей детей. Корреляционная зависимость между женской занятостью и рождаемостью в странах ОЭСР за последние десятилетия сменила свой знак. Если тридцать лет назад

рождаемость была выше там, где занятость женщин была ниже, то теперь более высокой женской занятости соответствует и более высокая рождаемость. Иными словами, неуверенность в перспективах на рынке труда приводит к тому, что женщины отказываются от деторождения.

Анализ второго вопроса показал, что рождаемость является наиболее низкой в тех развитых странах, где рождение детей во внебрачных союзах не распространено. К ним опять-таки относятся государства Южной Европы, Южная Корея и Япония. В этих странах женщины, как и в Северной и Западной Европе, не стремятся к раннему вступлению в брак. Однако в Северной и Западной Европе низкая брачная рождаемость компенсируется высокой рождаемостью вне брака, тогда как на юге европейского континента, а также в Южной Корее и Японии этого не происходит.

Анализ третьего вопроса в известной степени связан со спорами вокруг *второго демографического перехода* - изменений в демографическом поведении, начавшихся в семидесятые годы прошлого века на севере и западе Европы. К числу таких изменений относятся: более раннее вступление в интимные отношения; распространение внебрачных союзов; повышение возраста рождения первого ребенка; рост доли рождений, происходящих вне зарегистрированного брака, в общем числе рождений. Теория второго демографического перехода, разработанная нидерландским демографом Д. ван де Каа и бельгийским демографом Р.Лестагом, описывает ценностную основу этих изменений [ван де Каа, 2004]. Опираясь на данные европейского сравнительного исследования ценностей (*European Values Survey*), данная теория утверждает, что названные демографические изменения связаны с распространением «постматериалистических» и «нонконформистских» ценностей. К ним относятся личная автономия, свобода самовыражения, стремление к самореализации, потребность в признании и ряд других. Теория второго демографического перехода предсказывает все большее распространение демографического поведения, характерного для жителей Северной и Западной Европы, за пределы этого региона [Lesthaeghe, 2010]. При аргументации данного вывода указывается, среди прочего, на тенденцию к росту внебрачной рождаемости во многих странах.

Критики данной точки зрения указывают на то, что рост внебрачной рождаемости происходит не во всех странах. В России, например, доля внебрачных рождений, достигнув своего максимума в 2005г., начала затем снижаться (12,7% в 1987г., 30,0% в 2005г., 24,6% в 2011г.). Кроме того, внебрачное рождение не обязательно является свидетельством приверженности матери ребенка «постматериалистическим ценностям».

В пользу последнего вывода свидетельствует тесная обратная корреляция между долей внебрачных рождений и ожидаемой продолжительностью жизни, зафиксирован-

ная при сравнении 83 субъектов Российской Федерации [Клупт, 2010]. Это позволяет предположить, что немалая часть внебрачных рождений в России обусловлена не вторым демографическим переходом, а бедностью, алкоголизмом и плохими жилищными условиями, интегральным индикатором которых и выступает низкая продолжительность жизни. К тому же выводу приводят и результаты, полученные на основе сравнения индивидуальных биографий [Perelli-Harris, Gerber, 2009], согласно которым в России более высокая внебрачная рождаемость типична для менее образованных женщин. Это обусловлено тем, что вероятность вступления в брак после внебрачного зачатия у них меньше, чем у женщин с более высоким уровнем образования.

Сравнительный анализ свидетельствует, таким образом, что внебрачная рождаемость в России – «двуслойный» феномен. В более благополучном социальном слое внебрачную рождаемость действительно можно рассматривать как элемент второго демографического перехода. В менее благополучном слое внебрачная рождаемость является вынужденной и не связана с приверженностью «постматериалистическим» ценностям. Различия между рождаемостью в социально и экономически благополучных устойчивых внебрачных союзах и "вынужденно внебрачной" рождаемостью практически важны, так как их необходимо учитывать в социальной и демографической политике. В первом случае пара, образующая союз, не нуждается в поддержке государства, выходящей за рамки помощи обычной благополучной семье. Во втором случае одинокая мать остро нуждается в дополнительной социальной помощи государства.

Выводы для России. Сравнительный анализ рождаемости и демографической (или семейной) политики в зарубежных странах приводит к следующим выводам для России. Во-первых, демографическая политика должна учитывать, но **не** механически копировать опыт других стран. Во-вторых, первостепенное внимание следует уделять комплексу мер, облегчающих совмещение родительских и профессиональных ролей. В-третьих, федеральные власти должны подключать к проведению демографической политики власти регионов. Весьма важным является также использование потенциала неправительственных организаций, желающих принять участие в решении демографических проблем страны. В-четвертых, следует учитывать, что взгляды различных групп граждан и представляющих их политических, неправительственных и религиозных организаций на пути решения демографических проблем России никогда не будут полностью совпадать. Ввиду этого, важным элементом демографической политики является поиск конструктивных компромиссов, позволяющих максимально эффективно использовать потенциал российского общества при решении демографических проблем. В-

пятых, демографическая политика должна быть дифференцированной и учитывать специфические потребности различных групп населения.

Сравнительный анализ миграций и положения иммигрантских меньшинств. Международные миграции служат мощным стимулом экономического развития и межкультурного обмена, но, в определенных обстоятельствах, могут оказаться и «яблоком раздора» между народами. В силу этого международные миграции являются одной из постоянных тем современного социологического и демографического дискурса. Сравнительный анализ играет в нем значительную роль и, среди прочего, способствует писку ответов на следующие вопросы, рассматриваемые далее.

1. Что нового привносит в международные миграции быстрый экономический рост Китая и Индии - сердцевина того, что в западной литературе [Amsden, 1991; Zakaria, 2008] обозначают термином «подъем остальных» (*the Rise of the Rest*)?

2. Как влияют массивные иммиграционные потоки из развивающихся стран на западные общества?

3. Как проходит интеграция иммигрантских меньшинств в западные общества?

4. Какие выводы из сравнительного анализа международных миграций вытекают для России?

Сравнительный анализ миграций. В настоящее время разработано множество классификаций миграций. Для рассматриваемого вопроса важна одна из них - разделение международных миграций, которые исходят из развивающихся стран, на два типа.

1. Старый тип миграций, основой которых являются миграции рабочей силы, как квалифицированной, так и неквалифицированной, из развивающихся стран в развитые.

2. Новый тип миграций, характерными чертами которого являются:

- превращение «утечки мозгов» из развивающихся стран в развитые в обоюдный обмен научными и технологическими знаниями;

- тесное переплетение миграций с внешнеэкономической деятельностью наиболее мощных развивающихся стран – прежде всего, Китая и, в несколько меньшей степени Индии.

Масштабы старого типа миграций по-прежнему очень велики. Миграции старого типа составляют основу крупнейших мировых миграционных потоков - из Мексики в США, из Пакистана и Индии в страны Персидского залива, из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии в Россию.

Новый тип миграций является следствием быстрого экономического роста Китая и Индии, сопровождающегося увеличением спроса на высококвалифицированную рабочую силу внутри этих стран. В результате «утечка мозгов» из Китая и Индии пре-

вращается в двустороннее движение знаний и их носителей между Западом и азиатскими гигантами. В 2011г. численность китайских студентов, вернувшихся после обучения за границей, составила 186, 2 тыс. человек – на 40% больше, чем в 2010г.² и впервые превысила численность студентов, отправившихся за рубеж. С другой стороны, миграции за пределы КНР во все возрастающей степени становятся инструментом экономической экспансии - средством обеспечения трудовыми ресурсами зарубежных инвестиционных проектов Китая и китайских этнических экономик, растущих по всему миру.

Сравнительный анализ положения иммигрантских меньшинств. Влияние названных процессов на страны Запада многообразно. Изучая демографический аспект проблемы, британский демограф Д.Коулмен ввел термин *третий демографический переход* [Коулмен, 2007], обозначив им процесс, в результате которого резко возрастает этническая неоднородность населения стран Запада. Третий демографический переход ассиметричен: в населении стран Запада резко повышается доля выходцев из незападных стран, однако повышения доли выходцев из западных стран в развивающихся странах не происходит.

Концепция третьего демографического перехода не затрагивает, однако, процессов интеграции иммигрантских меньшинств в западные общества. По своему положению эти меньшинства делятся на три группы.

Первую группу составляют меньшинства, экономическое положение которых является достаточно прочным. По показателям среднедушевого дохода они не уступают населению принимающих стран, их положение на рынке труда вполне благополучно. К данной группе относятся, в первую очередь, китайское и индийское меньшинства в США и Великобритании. Анализ с помощью коэффициентов представленности меньшинства в занятости показывает, что азиатские меньшинства в США широко представлены среди высококвалифицированных специалистов – их доля среди работников данной профессиональной группы втрое выше, чем во всем занятом населении [Клупт, 2012, с.19].

Ко второй группе относятся меньшинства, которые при приемлемом уровне занятости, занимают невысокие позиции в социальной стратификации занятий. К этой группе относится, в первую очередь, латиноамериканское меньшинство в США. По данным переписи США 2010г. в этой стране проживало 50,5 млн. испаноговорящих

² 72% of overseas students return to China: report//People's Daily On-Line, Nov. 19, 2012
<http://english.peopledaily.com.cn/90882/8025431.html>. (дата обращения 22.03.2013)

жителей (16,3% населения страны), в том числе 31,8 млн. мексиканцев. В период между переписями 2000 и 2010гг. население США выросло на 9,7%, тогда как численность мексиканцев в США - на 54,1%. Безработица среди выходцев из Латинской Америки выше, чем у белых неиспаноговорящих американцев, но ниже, чем среди афроамериканцев. Анализ с помощью коэффициентов представленности показывает, что испаноговорящие американцы занимают в профессиональной структуре американского общества худшие позиции, чем выходцы из Азии. Испаноговорящие американцы непропорционально широко представлены среди “голубых воротничков”- их доля среди рабочих промышленности и транспорта в полтора, а строительства и добывающей промышленности в два раза выше, чем во всем занятом населении.

К третьей группе относятся меньшинства, для которых характерны низкие доходы, высокая безработица, непропорционально малая представленность в социально «продвинутых» профессиональных группах. Примерами таких меньшинств являются пакистанцы бангладешцы в Великобритании³, выходцы из стран тропической Африки в Западной Европе, выходцы из Северной Африки во Франции.

Сравнительный анализ типов интеграции. Доля иммигрантских меньшинств в населении стран Запада быстро растет. В США, по прогнозам Бюро переписей, численность белых неиспаноговорящих американцев, по-прежнему превышая численность каждого из меньшинств в отдельности, начиная с 2040г.-2050гг. начнет уступать их сумме [US...2009, table 6]. В Великобритании, по прогнозу исследователей из университета г.Лидс, доля белого населения британского происхождения снизится к 2051г. до 67%-78%. [Ethnic...2010].

Интеграция иммигрантских меньшинств в западные общества протекает не столь быстро, как это когда-то ожидалось. В США уровень безработицы составлял в 2010г.: для иммигрантов-мужчин первого поколения 10,6%, второго – 13,3%; для женщин, соответственно, 9,9% и 9,6% [Current...2010, table 4.6] Во Франции лишь 8% детей иммигрантов алжирцев являются руководителями, тогда как 34% - служащими или работниками неквалифицированного труда. Для французов, родители которых не были иммигрантами, те же показатели составляют 15% и 23% [Trajectoires...2010, p.66].

³ Причины столь разительных различий между индийским (с одной стороны) и пакистанским и бангладешским меньшинствами в Великобритании (с другой) лежат глубоко в истории. В формировании индийского меньшинства велика роль представителей индийской политической и деловой элиты, получавшей образование в британских университетах еще в позапрошлом веке. Пакистанское и бангладешские меньшинства формировались беженцами. Первое – теми, кто спасался от ужасов «обмена населением» между современными Индией и Пакистаном при разделе колониальной британской Индии в 1947г. Второе из тех кто, бежал от войны 1971г. за независимость Бангладеш от Пакистана.

Социологической теории интеграция меньшинств в западные общества первоначально виделась как линейный процесс ассимиляции, в ходе которого каждое последующее поколение иммигрантов постепенно утрачивало особенности, отличавшие его от основной массы принимающего населения. При этом предполагалось, что иммигранты с каждым следующим поколением приближаются к доминирующему культурному и экономическому стандарту, в качестве которого принимался белый американец, принадлежащий к среднему классу. Подобная концепция “плавильного котла” опиралась, прежде всего, на опыт европейских иммигрантов в США [Alba, Nee, 1997].

Крупномасштабный приток в США выходцев из развивающихся стран показал, однако, что восходящая мобильность иммигрантов отнюдь не гарантирована, а стандартом, к которому они стремятся, не обязательно является принадлежащий к среднему классу белый американец. Это обстоятельство нашло отражение в теории сегментированной ассимиляции, фокусирующей внимание на многообразии возможных траекторий интеграции [Portes, Min Zhou, 1993]. Одной из них, как и в более ранних теориях ассимиляции, признается восходящая мобильность иммигрантов, результатом которой становится их вхождение в средний класс и принятие его культурных норм. Однако наряду с этим указывается и на далеко не редкое “застревание” иммигрантов и их потомков в низших слоях городского населения и прохладное, а то и прямо враждебное отношение «иммигрантских низов» к ценностям принимающего общества. Подобному исходу в немалой степени способствует компактное проживание иммигрантов в бедных городских кварталах.

Возможна и третья траектория – успешная экономическая деятельность при более или менее полном отвержении ценностей и культурных норм принимающих обществ. Представители старшего поколения иммигрантов, в том числе вполне успешные, могут сознательно культивировать подобную жизненную стратегию в качестве “противоядия” от тех западных ценностей, которые, по их мнению, растлевают их детей и внуков. Экономический успех в этом случае рассматривается не как путь к единению с принимающим обществом, а лишь как средство получения ресурсов для сохранения прежней этнокультурной идентичности в новой и не всегда дружественной среде.

Выводы для России. Опыт миграционных связей Китая и Индии с западными странами, разумеется, невозможно скопировать. Однако этот опыт показывает, что превратить процесс «утечки мозгов» в обоюдный обмен знаниями и технологиями в принципе возможно. Для России эта задача крайне актуальна, ибо в настоящее время

отток квалифицированной рабочей силы из России не порождает достаточно мощного встречного потока знаний и их носителей.

Миграция в Россию из стран Центральной Азии выполняет ряд важных политических и экономических функций, стабилизируя положение в этом близком к России регионе и обеспечивая потребность российской экономики в относительно дешевой рабочей силе. Тем не менее, такая миграция не может вносить сколько-нибудь существенного вклада в развитие высокотехнологичных отраслей российской экономики.

Российско-китайские миграционные связи ближе к новому типу международных миграций, чем миграционные связи России с Центральной Азией. Миграции из КНР опираются на большой финансовый капитал, в силу чего китайские мигранты чаще, чем среднеазиатские заняты обслуживанием китайского этнического бизнеса в России (прежде всего – торговли) и реже являются наемными работниками на российских предприятиях. По данным Банка России, по объему трансграничных перечислений денежных средств физическими лицами из России за границу в 2012г. Китай несколько уступал Узбекистану (соответственно, 4,0 и 5,7 млрд.долл.). Однако средняя сумма одного перечисления в Китай была в 14 раз больше, чем в Узбекистан (соответственно, 466 и 5017 долл.).⁴ России необходимо стремиться к тому, чтобы миграции из КНР были в растущей степени связаны с инвестиционными проектами, представляющими обоюдный интерес, научно-техническим и студенческим обменом. При этом нельзя допускать разрастания миграций из КНР до масштабов, угрожающих потерей контроля над российской территорией.

При оценке перспектив отношений с западными обществами следует учитывать, их нарастающую этническую неоднородность. Весьма вероятно, что многие из них будут постепенно превращаться в конгломераты этносоциальных групп, скрепленных, скорее, экономической и экологической взаимозависимостями, нежели “западными ценностями”, интериоризованными большинством населения. Вопрос о том, какое влияние окажет этот процесс на отношения Запада с незападным миром остается открытым и требует серьезного научного анализа.

⁴ Официальный сайт Банка России: <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs>

Библиографический список

Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. - М., 1982

Вишневский А.Г. Это ключ от другого замка//Общественные науки и современностью 2005. №2. С.150-155.

Вишневский А.Г. Есть ли альтернативы у безальтернативного//Общественные науки и современность. 2012. № 2, с 78-91.

Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива//Общественные науки и современность. 2005. №2. С.139-149

Клупт М.А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии//Социологические исследования 2010. №8. С.60-71.

Клупт М.А. Региональные альтернативы глобального демографического развития// Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 66-77.

Коулмен Д. Иммиграции и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход в действии // Миграции и развитие. М.: СП "Мысль", 2007. С. 12 - 48.

Alba R., Nee V. Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration//International Migration Review. V. 31 №4. Special Issue: Immigrant Adaptation and Native-Born Responses in the Making of Americans. Winter 1997. PP. 826-874.

Amsden A. the Rise of “the Rest” Challenges to the West from Late-Industrializing Economies. Oxford, 2001.

Barnwal A. Success of the Indonesian Population Program: Lessons for India Journal of Development and Social Transformation Volume 1, November 2004. p.43-49

Caldwell J. Toward a restatement of demographic transition theory *Population and Development Review* 1976. 2 (3/4): 321–366.

Cleland J. Marital Fertility Decline in Developing Countries: Theories and Evidence. In Cleland J. Hobcraft, J. eds. 1985. Reproductive Change in Developing Countries: Insights from the World Fertility Survey.

Coale A., Watkins S., eds. The Decline of Fertility in Europe. 1986.

Current Population Survey. March 2010 Detailed Tables. Table 4.6.

Davis K (ed.). World population in transition. 1945.

Ethnic Population Projections for the UK and Local Areas, 2001-2051. School of Geography, University of Leeds, July 2010. Online Publication.

http://www.geog.leeds.ac.uk/fileadmin/downloads/school/research/projects/migrants/WP_ETH_POP_PROJECTIONS.pdf

Hirshman Ch. Why Fertility Changes Annual Review of Sociology. 1994. 20:203-233

Knodel J., van de Walle E. Lessons from the Past: Policy Implications of Historical Fertility Studies. Population and Development Review 1979, 5 (June): 217-45.

McNicol G. Legacy, policy, and circumstance in fertility transition. Population and Development Review 35 (4). December 2009: 777-795.

Myrskylä M., Kohler H. -P., Billari F. Advances in Development Reverse Fertility Declines // Nature. Vol. 460. August 6, 2009.

Landri A. La révolution démographique. 1934.

Lesthaeghe R. The unfolding story of the second demographic transition. Population and Development Review 36(2):211-51 (2010)

Notestein F. "Population-The Long View " In Food for the World, ed. Theodore W. Schultz. 1945.

Perelli-Harris B., Gerber T. Non-marital Childbearing in Russia. Second Demographic Transition or Pattern of Disadvantage // MPIDR WP 2009 - 007, March 2009.

Portes A., Min Zhou. The New Second Generation: Segmented Assimilation and its Variants Among Post-1965 Immigrant Youth. The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences, 1993. V.530: 74-96.

Thompson, W. Population. American Journal of Sociology. 1929. 34(6): 959-975

Trajectoires et Origines. Enquête sur la diversité des populations en France. Premiers résultats//INED, INSEE, Document de travail 168. Octobre 2010.

US Census Bureau. 2009 National Population Projections (Supplemental). Analytical Document. <http://www.census.gov/population/www/projections/analytical-document09.pdf>

Van de Kaa D.J. Anchored Narratives. The Story and Findings of a Half a Century of Research into the Determinants of Fertility. Population Studies, 1996, 50 (3): 389-432.

Zakaria F. Post-American World and The Rise of «The Rest». 2008.

Обязательная литература

Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии. Учебник для вузов. - М., 2011.

Введение в демографию. Учебник/Под ред. Ионцева В.А., Саградова А.А. – М., 2003.

Демографическая энциклопедия/Гл. ред. А.А.Ткаченко. - М., 2013.

Демографический понятийный словарь/Под ред. Л.Л.Рыбаковского. – М., 2003.

Демография и статистика населения. Учебник/Под ред. И.И.Елисейевой. - М. 2006.

Дополнительная литература

Антонов А.И. Социология рождаемости. – М., 1980

Антонов А.И. Падение рождаемости, кризис семьи и неизбежность депопуляции в Европе в первой половине XXI века (социологический подход)//Демографические исследования/Под ред. А.И.Антонова. – М., 2009. С.68-80.

Ван де Каа Д. О международной миграции и концепции второго демографического перехода // Мир в зеркале международной миграции: сб. ст. (Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир», вып. 20. / Гл. ред. В.А.Ионцев) – М., 2002. С. 90–96.

Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. - М., 1982

Вишневский А.Г. Это ключ от другого замка//Общественные науки и современность 2005. №2. С.150-155.

Вишневский А.Г. Есть ли альтернативы у безальтернативного//Общественные науки и современность. 2012. № 2, с 78-91.

Демографическая модернизация России: 1900-2000/Под ред. А.Г.Вишневского. - М., 2006.

Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система. – М., 2008.

Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива//Общественные науки и современность. 2005. №2. С.139-149

Клупт М.А. Демография регионов Земли. – СПб., 2008.

Клупт М.А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии//Социологические исследования 2010. №8, с.60-71.

Клупт М.А. Региональные альтернативы глобального демографического развития// Общественные науки и современность. 2012. № 2, с. 66-77.

Клупт М.А. Страны Запада: будущее мультикультурализма в зеркале занятости//Мировая экономика и международные отношения. 2012. №7. С.16-25.

Коулмен Д. Иммиграции и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход в действии ?// Миграции и развитие. сб. ст. (Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир», вып. 20. / Гл. ред. В.А.Ионцев) - М., 2007. С.12 - 48.

Ушкалов И.Г., Малаха И.А. «Утечка умов» - масштабы, причины, последствия. - М., 2011

McNicoll G. Legacy, policy, and circumstance in fertility transition. *Population and Development Review* 35 (4). December 2009: 777-795.

Myrskylä M., Kohler H. -P., Billari F. Advances in Development Reverse Fertility Declines // *Nature*. Vol. 460. August 6, 2009. Русский перевод размещен в электронном журнале "Демоскоп-Weekly". 2009. N 401 - 402.

<http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0401/analit04.php>

Portes A., Min Zhou. The New Second Generation: Segmented Assimilation and its Variants Among Post-1965 Immigrant Youth. *The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 1993. V.530: 74-96.

Van de Kaa D.J. Anchored Narratives. The Story and Findings of a Half a Century of Research into the Determinants of Fertility. *Population Studies*. 1996, 50 (3): 389-432.

Некоторые базы демографических данных

Единая Межведомственная информационно-статистическая система

<http://www.fedstat.ru>

Статистическое приложение к журналу Демоскоп-Weekly

<http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

United Nations. Demographic and Social Topics

<http://unstats.un.org/unsd/demographic/sconcerns/default.htm>

OECD Family Data Base

<http://www.oecd.org/els/soc/oecdfamilydatabase.htm>

Population Reference Bureau. 2012 World Population Data Sheet

<http://www.prb.org/Publications/Datasheets/2012/world-population-data-sheet.aspx>

Вопросы для самоконтроля

1. В Китае суммарный коэффициент рождаемости составляет 1,6, общий коэффициент рождаемости 12‰, в Нидерландах, соответственно 1,8 и 11‰. Почему, несмотря на то, что значения суммарного коэффициента рождаемости в Китае ниже, чем в Нидерландах, общий коэффициент рождаемости выше в Китае?

2. В Тунисе ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляет 74 года, общий коэффициент смертности - 6‰, в Германии, соответственно 80 лет и 10‰. Почему, несмотря на то, что ожидаемая продолжительность жизни выше в Германии, значение общего коэффициента смертности в этой стране превышает его значение в Тунисе?

3. Почему страны, в которых зафиксированы самые высокие значения доли населения, рожденного за пределами страны, не всегда лидируют по значениям сальдо международной миграции в расчете на 1000 жителей?

4. Назовите несколько методологических выводов, сделанных в данной главе. Чем отличаются методологические выводы от выводов, объясняющих причины демографических тенденций в отдельных странах?

5. Почему сравнительный анализ стимулировал рождение теории демографического перехода и институционального подхода к исследованию демографических процессов?

6. Назовите результаты сравнительного анализа, использованные в критике теории демографического перехода. Какие положения теории подверглись критике на основе этих результатов?

7. В чем состоят различия в методах демографической политики Китая и Индии?

8. Что такое первый демографический переход, второй демографический переход и третий демографический переход?

9. Какие выводы для демографической политики России можно сделать, анализируя опыт демографической и семейной политики других стран?

10. Как повлияло на международные миграции усиление экономической мощи Китая и Индии?

11. Какие выводы для миграционной политики России можно сделать на основе миграционной ситуации в современном мире?